

Романова Галина Ивановна
Московский городской педагогический университет
Ризаева Кристина Владимировна
Московский городской педагогический университет

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ДИЛОГИИ М.Н. АЛЬБОВА «О ЛЮДЯХ, “ВЗЫСКУЮЩИХ ГРАДА”»

Рассмотрена жанровая специфика повестей М.Н. Альбова «Воспитание Лельки» и «Сутки на лоне природы». Дан историко-типологический анализ обоих произведений. Анализируются хронотоп, тип сюжетов, особенности организации речи в обеих повестях, рассмотрены как дилогия. Дана обзорная характеристика бытования жанра повести в русском литературном процессе, отмечена исключительная принадлежность жанра повести русской литературе. Обозначены литературные тенденции конца XIX в., указывается значительная роль жанра повести в русской литературе во второй половине XIX в. Отмечены две традиции в определении специфики жанра повести: по формальным признакам и по содержательным характеристикам. Дана общая специфика произведений Альбова – статичность характеров героев при многократном использовании одних и тех же имен персонажей, их историй в разных произведениях писателя. Повесть Альбова «Воспитание Лельки» характеризуется как сюжетно традиционная для литературы о страдающих детях, делается вывод о творческом восприятии писателем произведений Достоевского. Повесть Альбова «Сутки на лоне природы» определяется как сюжетно не взаимосвязанная с повестью «Воспитание Лельки». В статье доказывается, что повести составляют дилогию. Отмечено преобладание психологизма в изображении героинь обеих повестей, выявлен жанровый инвариант повести, характерный для беллетристики последней трети XIX в.

Ключевые слова: жанр, повесть, повествователь, М.Н. Альбов, дилогия, беллетристика, традиция.

Информация об авторах: Романова Галина Ивановна, ORCID 0000-0002-6173-2411, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия.

E-mail: galinroma@mail.ru

Ризаева Кристина Владимировна, ORCID 0000-0001-6163-0629, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия.

E-mail: minushinak@gmail.com

Дата поступления статьи: 30.04.2020.

Для цитирования: Романова Г.И., Ризаева К.В. Жанровая специфика дилогии М.Н. Альбова «О людях, “взыскующих града”» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 145–150. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-145-150.

Galina I. Romanova
Moscow State Pedagogic University
Kristina V. Rizayeva
Moscow State Pedagogic University

GENRE SPECIFICITY OF MIKHAIL ALBOV'S DILOGY “OF PEOPLE «IN SEARCH OF THE CITY»”

Genre specifics of the stories «Lyol'ka's Upbringing» and «A Day in the Vastness of Nature» by Mikhail Albov is considered. Historical-typological analysis of both works is given. Chronotope, type of plots, features of speech organisation in both stories, which are considered as a diology, are analysed. The overview characteristic of the existence of the genre of story in the Russian literary process is given, the exclusive affiliation of story genre to Russian literature is noted. Literary trends of the late 19th century are marked, the significant role of the story genre in Russian literature in the 2nd half of the 19th century is indicated. Two traditions in determining the specifics of the story genre – by formal features and by meaningful characteristics – are noted. Mikhail Albov's works general specificity - the static character of heroes when repeatedly using the same names and life stories of characters in different works of the writer – is presented. The story «Lyol'ka's Upbringing» by Mikhail Albov is characterised as storytelling traditional one for literature about suffering children, a conclusion about the writer's creative perception of Fyodor Dostoevsky's works is made. The story «A Day in the Vastness of Nature» by Mikhail Albov is defined as one unrelated to the story «Lyol'ka's Upbringing» by plot. The article proves that the stories constitute a diology. Prevalence of psychology in portraying heroines of both stories is noted; the genre invariant of a story, characteristic of belles lettres of the last third of the 19th century, is identified.

Keywords: genre, story, narrator, Mikhail Albov, diology, belles lettres, tradition.

Information about the authors: Galina I. Romanova, ORCID 0000-0002-6173-2411, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian Literature department, Institute for the Humanities of Moscow City Pedagogic University, Moscow, Russia.

E-mail: galinroma@mail.ru

Kristina V. Rizayeva, ORCID 0000-0001-6163-0629, Institute for the Humanities of Moscow City Pedagogic University, Moscow, Russia.

E-mail: minushinak@gmail.com

Article received: April 30, 2020.

For citation: Romanova G.I., Rizayeva K.V. Genre specificity of Mikhail Albov's dilogy "Of People «in Search of the City»" // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 145–150 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-145-150.

Эстетические искания русских писателей последней трети XIX в. сказались и в смене жанровой парадигмы. Основная тенденция времени в этом отношении – переход от крупной формы – к малой, от романов – к повестям и рассказам. Так, уже в середине XX в. исследователи соглашались с тем, что в конце XIX в. роман ушел на периферию [Баскаков], [Цейтлин]. Однако такой вывод был сделан на основе анализа творчества классиков русской литературы. Исследование беллетристики того же периода может привести к иным результатам. В творчестве писателей второго ряда, в частности, достаточно популярного в свое время писателя М.Н. Альбова, произведения которого высоко оценивались критиками – его современниками (К. Чуковским, В. Короленко, И. Шмелевым, и др.), мы видим другой пример жанровых изменений. Здесь очевидно обратное движение: от жанров малой прозы к средней и крупной форме, от фрагментов, очерков, набросков – к жанрам повести и романа. Хотя, по словам И.А. Бунина, из-за таких авторов «ломали копья, их книги казались событиями, а история литературы едва уделит им три строчки» [Бахрах: 103] в общей картине развития жанров в литературном процессе, их значение несомненно. Обратимся к повестям Альбова, составившим дилогию, – «Воспитание Лёльки» и «Сутки на лоне природы», – опубликованным в 1880 г.

Жанр представляет собой основу литературной и шире – культурной традиции. Как подчеркивал М.М. Бахтин, считавший именно жанры «главным героем» литературы, «произведение уходит своими корнями в далекое прошлое. Великие произведения литературы подготавливаются веками, в эпоху их создания снимаются только зрелые плоды длительного и сложного процесса созревания» [Бахтин: 350]. Другими словами, работе автора над данным текстом предшествует работа времени над многими его элементами, над жанром как неким типом целостности, поэтому исследование жанровой традиции составляет часть творческой истории каждого литературного произведения.

Среди жанров, характерных только для русской литературы, видное место занимает повесть. Распространенный в древнерусской литературе («Повесть о нашествии Батыя на Рязань», «Повесть

о Петре и Февронии»), этот жанр приобрел популярность в литературе нового времени. Русские романтики (В.Ф. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский и др.) давали своим произведениям жанровый подзаголовок «повесть». Классическими стали повести А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Литературно-художественная практика потребовала теоретического осмысления специфики жанра. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”»)» (1835) В.Г. Белинский писал: «Ее форма может вместить в себе все, что хотите – и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе, она перелетает с предмета на предмет, дробит жизнь на мелочи и вырывает листки из великой книги этой жизни» [Белинский 1: 271–272]. Во второй половине XIX в. повесть не утрачивает своей популярности, которая только растет к началу XX в. Практически все писатели советского периода пробовали себя в этом прозаическом жанре, «неустойчивого объема (преимущественно среднего между романом и рассказом), тяготеющим к хроникальному сюжету, воспроизводящему естественное течение жизни» [Кожин: 814].

Жанровый канон, сложившийся во второй половине XIX в., предполагал определенную сюжетную схему и характерный хронотоп, а также тип композиционно-речевой организации произведения (особенности повествования). Существуют две традиции в определении специфики этого жанра: по формальным признакам (объем, количество изображенных событий и действующих лиц) и по содержательным характеристикам (особенности конфликта, проблематики, идейная позиция автора). В распространенном бытовом суждении о том, что роман «толще» повести, основанном на поверхностном понимании мысли Белинского («Повесть есть тот же роман, только в меньшем объеме, который условливается сущностью и объемом самого содержания» [Белинский 5: 42]), есть доля правды. Определения, основанные на формальных признаках, даны в ряде современных справочно-энциклопедических изданий. Отечественные исследователи XX в. акцентировали содержательный критерий. Так, Ф.З. Канунова отмечала, что «эстетическая

природа повести как жанра, ее содержательность определяется, прежде всего, концепцией личности, характером ее детерминированности в произведении» [Канунова: 3]. Содержательного принципа придерживаются и литературоведы более позднего периода (в частности Романова, Тамарченко), обнаружившие жанровые отличия не только в таких элементах произведения, как сюжет, композиция, особенности художественного мира, но и в авторской позиции, типе содержания, модусе художественности. В повести внутренний мир героев дан как часть «целого мира» и в связи с ним, их история отражает тип отношений в обществе, к которому они относятся; сопоставлен краткий период и вся жизнь. Образ целого мира дан в повести в свернутом виде, как проекция [Лейдерман: 78–79].

Рассматривая жанровую природу произведений писателя «второго ряда», к которому относят М.Н. Альбова, необходимо ориентироваться на традицию, сформировавшуюся в повестях А.С. Пушкина и воплотившуюся в 1880–1890-е гг. в произведениях Л.Н. Толстого, составляющих классику жанра повести.

Как известно, Альбов был последователем писателей-демократов 1860-х гг. О его литературных симпатиях и учителях неоднократно писалось в самое последнее время [Ризаева 2019]. Творческая манера Альбова – тематика, круг проблем, особенности поэтики – сложилась уже к 1870-м гг. В жанровом отношении его проза разнообразна: он пробовал себя и в малой прозе, и в романе. Сложность жанрового определения ряда произведений Альбова связана не только с тем, что писатель экспериментировал с формами и пытался выходить за рамки канонов [Ризаева 2020], но и с тем, что его герои переходят из одного произведения в другое. Повторяются имена персонажей и истории их жизни, а события, в которых они участвуют, так или иначе упоминаются в последующих произведениях писателя. В целом характеры таких героев не меняются и не развиваются. В результате возникает вопрос о композиционном соотношении таких произведений, о возможности объединения нескольких рассказов в своеобразные циклы, а повестей – в дилогии и трилогии только на том основании, что в них действуют общие персонажи. Так, А.П. Могилянский считал, что «повесть “Сутки на лоне природы” (1880) составляет продолжение повести “Воспитание Лельки”» [Могилянский: 255–261]. Однако при ближайшем рассмотрении можно выяснить, что эти произведения связаны не так тесно, как части одного произведения.

Повесть «Воспитание Лельки» (1879–1880) о детстве сироты, это краткая история взаимоотношений Лельки и ее «благодетелей». Она напоминает сентиментальные истории о несчастливой жизни в семье дальних родственников, всячески притесняющих и попрекающих «лишний рот».

Второстепенные персонажи: кухарка, ее ухажер, родственница хозяев представляют фон, усугубляющий гнетущее впечатление. При этом приглушены социальные противоречия: мать Лельки, как может догадаться читатель, в большей степени пострадала от мошенников-родственников, в доме которых остановилась, чтобы разрешить свои судебные проблемы в Петербурге.

Повесть о детстве Лельки выдержана в традициях литературы о страдающих детях, бедных сиротах, о детском одиночестве и во многом напоминает произведения Достоевского («Мальчик у Христа на елке», «Неточка Незванова»): «большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка... а в комнате бегают дети, нарядные, чистенькие» [Достоевский: 8], которому как бы вторит эпизод с увиденной Лелькой на улице «хорошенькой и нарядной» девочкой, как «нарисованной на крышке коробки из-под конфет» [Альбов 1880а: 168–169]. Ее отогнал от окна городской, который принял ее за попрошайку [Альбов 1880а: 169]. Рассказ «Мальчик у Христа на елке» заканчивается смертью ребенка, но самому мальчику это кажется сном: «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!» [Достоевский: 13], в то время как у Альбова сон – это трансформация жизни Лельки. Изменение своего положения девочка ощущает как сон: «Все сон, все чудный очаровательный сон!» [Альбов 1880а: 179].

Детство, из которого остается, по словам Достоевского, «одна лишь грязь воспоминаний» и «ожесточённое сердце», Альбов подвергает пристальному психологическому анализу, с болью описывая «тупое недетское отчаяние одинокого существа, затерянного в толпе чужих людей и не знающего, где преклонить голову» [Альбов 1880а: 169], фиксируя «выражение лица, как у затравленного волчонка». Обращает на себя внимание тот факт, что традиционного в таких счастливых развязках чуда не происходит: ни взрослые, ни ребенок не вспоминают о высших силах, в власти которых находится судьба каждого. Повесть Альбова в этом смысле принципиально чужда рождественской повести.

Для повествования о Лельке характерна драматизация – напряженные диалоги, в которых преобладают просторечия, ругательства, передающие конфликтное противостояние. Даже упорное молчание девочки показано как напряженная борьба с теми, кто ее ненавидит. Резки действия ребенка, совершающего проступки (разбила чашку, которой особенно дорожили, выпустила птиц из клетки), убегающего от преследования, настигнутого, подвергаемого наказанию. Повествование динамично и напряженно.

Подробно и проникновенно передающая психологию обиженного ребенка, в душе которого разгорается ненависть к «благодетелям», повесть завершается тем, что, боясь наказания за незначи-

тельный проступок, девочка убегает из дома. В результате счастливого случая ее удочерила богатая, но глубоко несчастливая в семейной жизни Лизавета Аркадьевна Ремнищева. Изменение в положении выражается в символической смене имени: уничижительное и просторечное прозвище задравленного приемыша (Лёлька) меняется на производимое на французский манер имя обласканного и благодарно любящего ребенка: «Оболочка той жалкой замарашки, дикой девочки Лёльки осталась где-то там, на улице во мгле сырого тумана, а из нее выпорхнула, как из грязного кокона, бабочка – уже какая-то новая, другая Helene» [Альбов 1880а: 192].

Вторая повесть «Сутки на лоне природы» (1880) представляет собой повествование о юности и катастрофическом событии, определившем всю жизнь Лизаветы Аркадьевны. Приезд Ремнищевой вместе с приемной дочерью Helene в родовое имение – только обрамление и мотивировка воспоминаний и связанных с ними переживаний главной героини. В развязке первой повести установлены отношения матери и ее приемной дочери, финал второй повести возвращает читателя в то же самое событие (случайное «явление» Лёльки).

Сюжетно эти два произведения не связаны между собой. Главная героиня первой повести (приемыш Лёлька) становится второстепенным персонажем во второй. Ее функции сводятся к тому, что она увлекает татап именно в те уголки имения (пруд, беседка), которые вызывают тягостные воспоминания о прошлом. История Лизаветы Аркадьевны, татап, как называет ее Helene, в центре повествования «Сутки на лоне природы».

Данный в первой повести хронотоп города, населенного жестокими и злыми чиновниками, квартира с чуланом, где на сундуке ютится с ребенком бедная родственница, во второй части дилогии сменяется изображением «дворянского гнезда» с портретами предков в париках и буклях, имением с липовыми аллеями, заросшим прудом, обвитой плющом беседкой. С виду благополучная выпускница Смольного института Лизавета Аркадьевна вспоминает жизнь в родном доме с суровым отцом. В отличие от традиционных для русской литературы представлений, в повести Альбова уединенный образ жизни, книги из старой библиотеки («Жизнь двенадцати цезарей», маркиза де Сада и проч.) не развивают, а способствуют развращению молодой девушки, тайком читающей их по ночам. Спровоцировав садовника, она оказалась жертвой насилия, за которое он поплатился жизнью, а ей пришлось выйти замуж за человека, которого она ненавидела. Вспоминая об этом происшествии через двадцать лет, Лизавета Аркадьевна глубоко страдает.

Ограниченность времени и места способствует концентрации внимания на лирических переживаниях героини обеих повестей, выделяет психоло-

гический конфликт. Акцентирование физиологической основы в неясных ощущениях и мечтаниях девушки, почти натуралистически изображенная сцена с садовником, отчуждение героини от реальной жизни и “уход в себя”, существование вне морали и религии, – все это свидетельствует об отходе писателя от традиционной литературной картины мира.

Является ли повествование от третьего лица характерным жанровым признаком повести – вопрос открытый. Некоторые исследователи объясняют это тем, что повесть (от слова «поведать») «восходит к древней эпической традиции, уходящей корнями в устную традицию», и сохраняет черты «дороманного эпоса», с его особым вниманием к голосу рассказчика [Кожин: 814]. Сфера знаний повествователя в обеих повестях Альбова ограничена знаниями персонажей. В этом отношении он ближе действующим лицам, чем автору. Соответственно, и речь повествователя близка речи персонажей, поэтому все повествование воспринимается как единый сплошной монолог. Представление о повествователе складывается не только из оценок, данных им изображаемому миру, но и из рассуждений общего плана: о жизни, о людях, о времени. Это максимально близкий к автору повествователь, т.е. почти прямо выражающий позицию писателя-разночинца, знатока реалий жизни бедных слоев. В повести Альбова все персонажи изображены с точки зрения повествователя, испытывающего глубокое сочувствие к приемышу Лёльке.

И хотя ее жизнь складывается удачнее, чем можно было предположить, основное настроение повести меланхоличное и безысходное.

Во второй повести («Сутки на лоне природы») темп замедлен, соответствует процессу воспоминаний, напряжение ослабевает. Повествование представляет собой почти сплошной монолог – передачу смены настроений, мыслей героини, изменение ее жизненной позиции под влиянием переосмысления событий прошлого.

Сюжет первой повести завершается обретением ребенком приемной матери и благополучия, второй – обретением приемного ребенка и вместе с ним – чувства осмысленности своей жизни. Симметричность структуры подчеркивает завершенность изображенного мира, «его исчерпанность» [Тамарченко: 76].

Перед читателями разворачиваются два типа сюжетов. Первый – сюжет повести «Воспитание Лельки» о становлении характера. Нанизывание событий при кажущейся их равнозначности для повествования имеет поступательное движение, обусловленное линейным хронотопом: от прошлого к будущему. В переносном смысле оно символизирует продвижение вперед, к неизвестной еще ни повествователю, ни герою правде, а в самом общем плане приближает их к понимающему смысла

жизни. Таким образом, прошлое конкретного человека становится всеобщим, повесть приобретает притчевый характер.

В повести «Сутки на лоне природы» дан сюжет испытания героини. Центральное событие повести связано с необходимостью выбора. Решение, принятое в прошлом, подлежит оценке героини и повествователя. Этим мотивировано неоднократное мысленное возвращение к прошлому, воспоминания о том, что кардинально изменило жизнь. В повестях преобладает хроникальность, между событиями ослаблена причинно-следственная связь, что сказывается на значении интриги.

Таким образом, повести Альбова «Воспитание Лельки» и «Сутки на лоне природы» представляют собой повествование о женских судьбах. В центре каждой из них – различные героини, особый хронотоп, сюжетные события и, соответственно, связанные с ними конфликты, темы и проблемы. Описывая ряд событий, автор показывает, как они определяют жизнь человека в целом. Общность героинь, ищущих лучшей доли для себя и других, их переживания, а также центральное событие повестей – удочерение сироты – дают основания рассматривать их как дилогию, объединенную в отдельном издании общим названием: «О людях, “взыскующих града”», что подчеркивает смысловое и формальное единство.

Список литературы

Альбов М.Н. Воспитание Лельки. Повести и рассказы. СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1888а. С. 115–193.

Альбов М.Н. Сутки на лоне природы. Повести и рассказы. СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1888б. С. 193–329.

Баскаков В.Н. Романисты 1880–1890-х годов // История русского романа: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 2. С. 476–489.

Бахрах А. Бунин в халате (1979). М.: Сoglasie, 2000. 244 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на елке. СПб., 1885. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003599094?page=5> (дата обращения: 04.04.2020).

Журавлева А.И. Повествование и повесть у Лермонтова // Русская повесть как форма времени. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 108–114.

Канунова Ф.З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. 188 с.

Казаков А.А. Повесть в системе жанров Ф.М. Достоевского // Русская повесть как фор-

ма времени. Томск, Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 200–206.

Кожин В.В. Повесть // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 5: Мурари–Припев. Стб. 814.

Лейдерман Н. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.

Мазанов Ш.А., Ширванова Э.Н. Повесть в системе эпических жанров: теоретический аспект // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 46. С. 111–114.

Могиланский А.П. Альбов // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IX. Литература 70–80-х годов. Ч. 2. 1956. С. 255–261.

Ризаева К.В. Антигерой в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Н. Альбова // Вестник Московского государственного педагогического университета. 2019. № 3. С. 113–119.

Ризаева К.В. Специфика жанров малой прозы в творчестве М.Н. Альбова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13. Вып. 1. 2020. С. 40–44.

Романова Г.И. Повесть и роман в творчестве Тургенева // Практика анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2006. С. 181–197.

Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. 565 с.

Тамарченко Н.Д. Повесть как литературный жанр // Тамарченко Н.Д. Поэтика русской литературы. М.: РГГУ, 2006. С. 64–82.

Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. Л.: Наука, 1982. 184 с.

Цейтлин А.Г. Пути критического реализма в 80-е годы // История русской литературы: в 3 т. / Под ред. Д.Д. Благого. М.: Наука, 1964. Т. 3.

References

Al'bov M.N. *Vospitanie Lel'ki. Povesti i rasskazy* [Lelka's Upbringing. Novels and stories]. Sankt Petersburg, Tip. i lit. V.A. Tikhanova Publ., 1888a. pp. 115–193. (In Russ.)

Al'bov M.N. *Sutki na lone prirody. Povesti i rasskazy*. [A Day in the Open Air. Novels and stories]. Saint Petersburg, Tip. i lit. V.A. Tikhanova Publ., 1888b. pp. 193–329. (In Russ.)

Baskakov V.N. *Romanisty 1880–1890-kh godov. Istoriia russkogo romana: v 2 t.* [Novelists of 1880–1890. The history of Russian novel in 2 vols.] Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1964. vol. 2. pp. 476–489. (In Russ.)

Bakhrakh A. *Bunin v khalate (1979)* [Bunin in bathrobe (1979)]. Moscow, Soglasie Publ., 2000. p. 103. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)

Belinskii V.G. *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* [Complete collection in 13 vols]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Mal'chik u Khrista na elke* [The boy at Christ's Christmas Tree]. Saint Petersburg, 1885. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003599094#?page=5> (access date: 04.04.2020). (In Russ.)

Zhuravleva A.I. *Povestvovanie i povest' u Lermontova, Russkaia povest' kak forma vremeni* [Narration and story by Lermontov, Russian story as a form of time]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2002. pp. 108–114. (In Russ.)

Kanunova F.Z. *Iz istorii russkoi povesti (Istoriko-literaturnoe znachenie povestei N.M. Karamzina)* [From the History of the Russian Story (Historical and literary significance of N.M. Karamzin's story)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ, 1967. 188 p. (In Russ.)

Kazakov A.A. *Povest' v sisteme zhanrov F.M. Dostoevskogo. Russkaia povest' kak forma vremeni* [Story in the genre system of F.M. Dostoevsky. Russian story in form of time]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ, 2002. pp. 200–206. (In Russ.)

Kozhinov V.V. *Povest'. Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Story. Short literary encyclopedia]. Moscow, Sov. Entsiklopediia Publ, 1971. Vol. 5: Murari–Pripev. Col. 814. (In Russ.)

Leiderman N. *Dvizhenie vremeni i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of genre]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ, 1982. 256 p. URL: <https://studylib.ru/doc/2016993/dvizhenie-vremeni-i-zakony-zhanra> (access date: 04.04.2020). (In Russ.)

Mazanaev Sh.A., Shirvanova E.N. *Povest' v sisteme epicheskikh zhanrov: teoreticheskii aspekt* [Story in the epic genre's system: theoretic aspect]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan science center], 2012. № 46. pp. 111–114. (In Russ.)

Mogilianskii A.P. *Al'bov. Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [Albov. The history of Russian literature in 10 vols.]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ, 1941–1956. Vol. IX. Literatura 70-80-kh godov. Ch. 2. 1956. pp. 255–261. (In Russ.)

Rizaeva K.V. *Antigeroi v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo i M.N. Al'bova* [Antihero in the works of F.M. Dostoevsky and M.N. Albov]. *Vestnik MGPU* [Bulletin of Moscow State Pedagogical University Publ.]. 2019. № 3, pp. 113–119. (In Russ.)

Rizaeva K.V. *Spetsifika zhanrov maloi prozy v tvorchestve M.N. Al'bova* [The specificity of the small prose' genres in M.N. Albov's works]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Questions of theory and practice Publ.]. Vol. 13. № 1. 2020. pp. 40–44. (In Russ.)

Romanova G.I. *Povest' i roman v tvorchestve Turgeneva. Praktika analiza literaturnogo proizvedeniia* [The story and the novel in Turgenev's works. Practice of analyzing a literary work]. Moscow, Flinta Publ, 2006. pp. 181–197. (In Russ.)

Russkaia povest' XIX v. Istoriia i problematika zhanra, Pod red. B.S. Meilakha [The Russian Story of XIX cen. History and issues of the genre]. Leningrad, Nauka Publ, 1973. 565 p. (In Russ.)

Tamarchenko N.D. *Povest' kak literaturnyi zhanr* [The story as a literature' genre]. Tamarchenko N.D. *Poetika russkoi literatury* [The issue of Russian literature]. Moscow, RGGU Publ., 2006. pp. 64–82. (In Russ.)

Utekhin N.P. *Zhanry epicheskoi prozy* [Genres of epic prose]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 184 p. (In Russ.)

Tseitlin A.G. *Puti kriticheskogo realizma v 80-e gody. Istoriia russkoi literatury: v 3 t.* [Ways of critical realism in the 80's. The history of the Russian literature in 3 vols.], ed by D.D. Blagoy. Moscow, Nauka Publ, 1964. Vol. 3.